

♦ См. полный
текст постановления,
опубликованный в «Бюллетене
Европейского Суда по правам
человека» № 6/2009.

Быков против России* [Bykov v. Russia] (№ 4378/02)

Постановление от 10 марта 2009 г. [вынесено Большой Палатой после уступки юрисдикции]

Обстоятельства дела

Заявитель был авторитетным бизнесменом и депутатом регионального законодательного собрания. В 2000 году он предположительно поручил представителю своего окружения В. убить С., бывшего партнера по бизнесу. В. не исполнил поручения, сообщил об этом факте в Федеральную службу безопасности («ФСБ») и передал туда оружие, якобы полученное от заявителя. Вскоре после этого ФСБ и милиция провели специальную операцию для получения доказательств намерения заявителя убить С. Милиция имитировала обнаружение двух трупов в доме С. В средствах массовой информации было официально объявлено, что в одном из этих трупов опознан С. Согласно указаниям милиции В. встретился с заявителем в его доме и завязал с ним беседу, причем уведомил его, что совершил убийство. В качестве доказательства он передал заявителю несколько предметов, полученных от С. При нем находился замаскированный радиопередатчик, и сотрудник милиции, находившийся снаружи, прослушивал и записывал их беседу. В результате милиция получила 16-минутную запись беседы В. и заявителя. На следующий день дом заявителя подвергся обыску. Предметы, полученные от В., были изъяты. Заявитель был арестован и заключен под стражу. Для исследования записи разговора заявителя с В. были назначены два эксперта. Они установили, что В. относился к заявителю с почтением, что заявитель не проявлял признаков недоверия к признанию В. в убийстве и

что он настойчиво расспрашивал В. о подробностях его совершения. В 2002 году заявитель был признан виновным в организации убийства и в сговоре с целью приобретения, хранения и сбыта огнестрельного оружия и приговорен к шести с половиной годам лишения свободы. Он был условно освобожден с пятилетним испытательным сроком. Приговор был оставлен без изменения судом кассационной инстанции.

Вопросы права

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Заявитель мог оспорить методы, используемые милицией, в состязательной процедуре судов первой и кассационной инстанций. Он мог ссылаться на то, что собранные против него доказательства получены незаконно, и что оспариваемая запись неправильно истолкована. Суды страны подробно исследовали все эти доводы и отклонили их в мотивированных решениях. Кроме того, признавая заявителя виновным, суды страны опирались не только на указанную запись и вещественные доказательства, добытые при специальной операции. Ключевым доказательством стороны обвинения являлись первоначальные показания В., полученные до специальной операции и независимо от нее, которые он дал в качестве частного лица, а не информатора милиции. Кроме того, В. повторил свои первоначальные показания на допросе и на очной ставке с заявителем на стадии предварительного следствия. Власти не несут ответственность за невозможность допроса В. на суде, поскольку приняли все необходимые меры для установления его места нахождения и обеспечения его явки в суд, включая обращение за содействием в Интерпол. Заявитель имел возможность допросить В. по существу его показаний во время очной ставки. Кроме того, адвокат заявителя дал согласие на оглашение в судебном заседании показаний В., полученных на предварительном следствии. Суд внимательно исследовал обстоятельства последующего отказа В. от данных им показаний и пришел к мотивированному заключению о том, что этот отказ не заслуживает доверия. Наконец, показания В. подкреплялись косвенными доказательствами, в частности, многочисленными свидетельскими показаниями, подтверждающими наличие конфликта интересов между заявителем и С. Высказывания заявителя, которые были тайно записаны, не были даны под давлением в какой-либо форме; они также не учитывались непосредственно судами страны, которые в большей степени опирались на экспертизу этой записи; высказывания подтверждались и вещественными доказательствами. С учетом гарантий, которые сопровождали оценку допустимости и достоверности указанных доказательств, характера и степени предполагаемого насилия, использования материалов, полученных при негласной операции, разбирательство по делу заявителя в целом не противоречило требованиям справедливого судебного разбирательства.

Постановление

По делу требования пункта 1 статьи 6 Конвенции нарушены не были (вынесено 11 голосами «за» и шестью – «против»).

По поводу соблюдения статьи 8 Конвенции. Меры, принятые милицией, представляли собой вмешательство в право заявителя на уважение его личной жизни. Российский закон об оперативно-розыскной деятельности прямо предусматривает защиту личной жизни путем получения судебного разрешения на любое оперативно-розыскное мероприятие, которое может нарушить неприкосновенность жилища или тайну телеграфных или почтовых сообщений[♦]. В деле заявителя суды страны пришли к выводу о том, что В. вошел в его жилище с его согласия, телеграфные или почтовые сообщения не затрагивались (поскольку разговор записывался с помощью радиопередатчика), поэтому милиция не нарушила действующее законодательство. По мнению Европейского Суда, использование радиопередатчика для записи разговора между В. и заявителем было фактически идентично прослушиванию телефонного разговора с учетом характера и степени вмешательства

♦ В статье 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» говорится

о почтовых, телеграфных и иных сообщениях, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи (прим. переводчика).

в личную жизнь заинтересованного лица. Однако процедура получения разрешения на прослушивание разговора заявителя и его исполнение предусматривали недостаточные гарантии прав заявителя, если они вообще были. В частности, усмотрение властей, разрешивших прослушивание, не было ограничено никакими условиями, пределы и способ его осуществления не были определены; никакие конкретные гарантии не были предусмотрены. Право заявителя возбудить судебное разбирательство о признании «оперативного эксперимента» незаконным и потребовать исключения из числа доказательств его результатов в качестве незаконно полученных не могло устранить эти недостатки. В отсутствие конкретных и подробных правил использование такой техники прослушивания в рамках «оперативного эксперимента» не сопровождалось адекватными гарантиями от любых возможных злоупотреблений. Соответственно, ее применение допускало произвол и не соответствовало требованию законности.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

Европейский Суд также единогласно установил нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении длительности предварительного заключения заявителя.

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 1 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.